

Отзыв
официального оппонента о диссертации
СКОКОВОЙ ДИНАРЫ СЕРГЕЕВНЫ
«Творчество М. А. Волошина: геопоэтический
аспект», представленной на соискание ученой
степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01. 01 – Русская литература

Объектом исследования Д.С. Скоковой является поэзия Максимилиана Волошина, которому в последние десятилетия было посвящено огромное количество статей, монографий и диссертаций. Но в данном случае важно не «что», а «как», т.е. определение ракурса восприятия художественного массива и методика самого исследования. В этом отношении Д.С. Скокова проявляет новаторство: её привлекает геопоэтический аспект творчества писателя, практически не изученная область его литературного наследия.

В своём научном интересе к геопоэтике М. А. Волошина работа Д. С. Скоковой поднимает и одновременно разрешает несколько актуальных вопросов современного литературоведения, а именно: насколько зависят формы и способы художественной репрезентации географического пространства от эмпирики географического топоса? Какова степень влияния культурно-географического облика места на геопоэтику отдельного топоса? Можно ли говорить о первичности географического топоса по отношению к мифогеографическому и каков статус ментально-географических топосов в геопоэтической карте писателя? Насколько соответствует «центр» геопоэтической системы автора внешним геокультурным представлениям о «центре»? и т. д. Такая «цепная» реакция вопросов, порождаемых представленным исследованием, безусловно, свидетельствует об актуальности намеченной проблемы и о живом, приглашающем к диалогу, научно-творческом характере самой работы.

Основным объектом интереса в диссертации Скоковой становится система топосов геопоэтики М. Волошина: Париж, Петербург, Москва, Коктебель, Киммерия, которые образуют «карту» творчества поэта. В рамках диссертационной работы устанавливаются границы понятия «геопоэтика», до конца не проясненного в современном литературоведении, оговаривается и контекст – диссертант понимает геопоэзис, процесс формирования творцом собственных геокультурных координат как компонент аутопоэзиса: «...Исследование геоструктурных единиц в художественных системах того или иного писателя позволяет реконструировать специфику текстов автометаописательной природы, так как всякое ландшафтное «артикулирование» становится «артикулированием» облика творца, а художественная система обретает границы целостного аутопоэзиса» (с. 4. автореферата). Эти положения работы обладают высокой степенью новизны. Впервые в работе решаются проблемы соотношения геокультурного облика места и художественно-эстетического опыта творческого субъекта в формировании геобраза и его семантическом атрибутировании; определения степени зависимости авторской субъективности от геокультурных установок в аксиологической оценке того или иного топоса (понятия «центра», «края» и др.) и его моделировании.

Доминанты геопоэтики М. А. Волошина весьма полно представлены в положениях, выносимых на защиту. В результате достижения указанных диссертантом целей и задач реконструированы топосы геопоэтики М. А. Волошина, описаны их структурно-содержательные элементы и функциональность в контексте целостной художественной системы автора.

Высокой оценки заслуживает стремление Д. С. Скоковой восполнить лакуны современного волошиноведения в области атрибутирования и верификации геопоэтических топосов. Представленный в диссертации подход к творчеству Волошина представляет собой успешную попытку выйти к субъекту творчества через продуцируемые им образы пространств.

Исследование состоит из Введения, трех глав (первая и вторая главы включают в себя несколько разделов), Заключения и Библиографического списка, содержащего 265 позиций, что удостоверяет явленную в работе высокую эрудированность автора. В диссертации рассматриваются поэтические произведения М. А. Волошина разных лет, письма, дневники, литературно-критические работы, воспоминания о поэте. Широта эмпирической базы обеспечивает достоверность результатов исследования, а также доказывает легитимность подхода к художественно-эстетической системе Волошина как к Единому тексту. Ядро диссертации составляет анализ стихотворных текстов поэта, репрезентирующих геообразы, остальной корпус нехудожественных текстов рассматривается как область автокомментирования. В диссертации реализована тесная связь между самоопределением поэта и способами «выписывания» пространства: текст о внешнем (пространстве) становится текстом о себе. Однако в общей логике выстраивания структуры диссертации бросается в глаза ее «неравномерность»: деление на параграфы и подпараграфы в первой и второй главах работы заканчивается «монолитной», чрезмерно растянутой третьей главой. Чем же объясняется такая особенность?

Стоит отметить самостоятельность предлагаемого анализа во второй и третьей главах работы. Исследование топосов геопоэтики М. Волошина предваряется замечаниями о феномене путешествия как практике самоопределения, таким образом, смена субъектом локуса понимается как процесс наращивания культурного опыта и составляет сюжет геобиографии писателя. В диссертации через анализ и интерпретацию поэтических текстов, а также писем показаны неоднозначность и противоречивость отношений Волошина с каждым из топосов. Париж в диссертации Скоковой понимается как топос, с которого начинается «расчерчивание» культурной карты мира (с. 13 автореферата): включение чужого геокультурного пространства в поле смыслов субъекта запускает процессы ментального картографирования, так как системность здесь задается относительно домашнего топоса. В связи с

этим возникает вопрос об изначальной функции Парижа в «ментальном» пути поэта. Можно ли рассматривать Париж как исходную точку собственного «артикулирования», по выражению диссертанта, или эта точка задана ранее? Да, поэт призывал идти к «свету искусства», в Париж, но ведь его дух «прозрел под шум волны» раньше, в Коктебеле.

В диссертации большое внимание уделяется художественной географии поэта, фрагменты писем лишь восполняют лакуны. Так, необходимость обращения к письмам петербургского периода жизни Волошина возникает из-за скудной художественной рефлексии этого этапа биографии. Означает ли это, что публицистические тексты Волошина связаны с художественными по принципу дополнительности? И можем ли мы тексты разной жанрово-стилистической природы рассматривать как способы репрезентации одного и того же (в данном случае – формирования геообразности поэта)?

Необычный ракурс рассмотрения творчества М.А. Волошина в диссертации Д. С. Скоковой сводится к тому, что России в целом присвоен статус «периферии», обоснованием этому служит коннотация «вторичности», присущая, по мнению Волошина, русской культуре и усиленная в его поэтике смыслами гниения и разложения. Как наименее нагруженный культурными смыслами и ассоциациями воспринимается Коктебель, топос с низкой плотностью актуальных геокультурных смыслов, слой его культурного ландшафта скуден, это топос доминирующего природного ландшафта; в связи с этим автор работы воспроизводит Коктебель через понятие «края», что выглядит несколько странным, ведь именно Коктебель стал представлять «личный космос» поэта; сам Волошин соотносил его со своей «купелью».

В этой композиционной структуре также не вполне прояснено, какое место в общей художественной геопоэтической системе Волошина занимает Восток и в целом ориентализм поэта? Почему в диссертации рассматриваются только «западные» и «крымские» геообразы?

Особого внимания заслуживает третья глава диссертации, посвященная поэтике киммерийских текстов. При определении специфики геопозитического образа автор работы атрибутирует Киммерию как ментально-географический топос, сакральный, мифогеографический. Каждое из определений получает обоснование в тексте работы. Впервые в волошиноведении столь тщательно и даже, можно сказать, дотошно, анализируется весь корпус стихотворений из раздела «Киммерийская весна». Правда, геопозитический анализ, если можно так выразиться, осуществляется довольно-таки сумбурно: тексты привлекаются к рассмотрению вне хронологической последовательности, на основании, возможно, понятных только соискателю ассоциаций.

Автора исследования интересуют способы проектирования («архитектоника» вынесено в название главы) и собирания ландшафта, а также формы проявления в киммерийских текстах лирического субъекта. На материале раздела стихотворений «Киммерийская весна» Д.С. Скокова тщательно выявляет наполнение конкретного образа художественного пространства каждого стихотворения, исследует структуру и поведение образов-компонентов ландшафта: помимо традиционных пяти природных элементов, участвующих в формировании образа пространства, диссертант устанавливает два дополнительных – пустота, или *пустоты*, а также время – выявляя тем самым разницу между временем как компонентом хронотопа и ландшафтным элементом.

Однако невольно возникает вопрос, насколько полученные выводы релевантны для всего киммерийского топоса Волошина, ведь анализу подвергается только один цикл, впрочем, не цикл, а раздел, включающий в себя стихотворения, написанные в течение 16-ти лет. Да и можно ли говорить в этом случае о его «поэтико-эстетическом единстве» (с. 117)? Почему практически обойдён вниманием цикл стихотворений «Киммерийские сумерки», применительно к которому также можно говорить о сакральном, мифогеографическом топосе?

Заключение диссертации адекватно и развернуто подводит итоги исследования, а также намечает дальнейшие перспективы. Д.С. Скокова, безусловно, справилась со своей задачей. Ей удалось добротнo исследовать творчество Волошина в аспекте геопэтики, сделав упор на путешествии как жизнетворческой практике самоопределения поэта. Автореферат и основные публикации диссертанта, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертаций, в полной мере отражают основное содержание работы.

И всё же к возникшим в ходе рецензирования вопросам хотелось бы добавить несколько замечаний и ремарок. К тому же некоторые умозаключения и определения соискателя нуждаются в пояснении или корректировании. Ну, например...

«Творчество Волошина исследовано в аспекте геопэтики как автометаописательная система, обладающая признаками самодотраивания до эстетического совершенства» (с. 21). Тезис, явно требующий разъяснения.

«Можно предположить, что Волошин соотносит себя с героем архаического художественного произведения (играет в него)» (с. 56). Что здесь имеется в виду, и при чём тут упоминаемое в связи с кодом поведения героя «голодание»? Вообще, хорошо бы подобные умозаключения подкреплять примерами из текстов.

На с. 58 автор работы приходит к промежуточному выводу: «Глава (?) «Годы странствий» завершается в Коктебеле», который воспринимается диссертантом как рядовой топоним на географической карте путешествий поэта и «ещё не стал духовной родиной Волошина». Если имеется в виду первый раздел книги «Годы странствий», носящий то же название, то там Коктебель как топоним вообще практически не присутствует. Сама же книга завершается венком сонетов «Corona Astralis», также с Коктебелем никак не связанным. Возможно, речь идёт о произведениях из цикла «Киммерийские сумерки»? Но ведь именно тогда состоялось «причащение» поэта «горькой соли

задыхающейся волны» «своего» «торжественного Коктебеля»... Так на чём же здесь настаивает автор работы?

Мотивы «ржавчины» и «сбежавшей позолоты» обнаруживают «отторжение» Парижа лирическим субъектом (с. 67). Утверждение это, основанное на формально-поверхностных коннотациях, представляется несколько надуманным. Едва ли можно согласиться с тем, что «субъект начинает видеть противоречия между собой и местом, где находится», т.е. Парижем. Напротив, поэт (лирический герой Волошина) всегда ощущает своё единство с этим городом: «Мы отдавались, как во сне, / Его ласкающей волне»; «Ты жил во мне, меняя облик свой»; «Такой пронзённой не любил тоской / Я каждый камень вещей мостовой» и т.д. А то, что его душа при этом может «тосковать» по «пустыне», объясняется спецификой художественного метода Волошина, который нередко прибегал к совмещению в своём поэтическом «кадре» географических планов и временных пластов. Кстати, о художественном методе. Стихотворения из цикла «Париж» (с. 114) никак не могут восприниматься как «дань французскому символизму» (ну где там – традиции Верлена, Рембо или Малларме?), а являют собой творческое проявление импрессионизма Волошина, поэта и художника. И в чём, к слову сказать, выражается «рельефность, барочность поэтического стиля Волошина» (с. 64)?

С. 107. В основу Дома Поэта Волошин, в противоположность Башне Вяч. Иванова с его традицией дионисийства, «положил традицию аполлонистическую». В чём же это выражается, если сосредоточиться исключительно на концепции возведения Дома и отвлечься от стихотворений и статей, посвящённых Аполлону?

С. 117. «Сюжет мифа Волошина о самом себе начинается на Монмартре»: имеется в виду стихотворение «Пустыня», которое открывает книгу «Годы странствий». Однако ему предшествует заставка-эпиграф, предопределяющий тональность и философию всей книги: «И мир, как море пред зарёю, / И я иду по лону вод. / И подо мной и надо мною / Трепещет

звёздный небосвод». Так что лирический герой Волошина изначально проявляет себя не как «парижанин» или «пустынник», а как «путник по вселенной», человек, ощущающий своё единство с мирозданием. То есть, можно сказать, возникает некий универсальный (от слова «универсум») топос, эзотерическое место обитания поэта, который соответствует «космическим» координатам «Звёздного венка» («Corona Astralis»), завершающего первую книгу Волошина.

Встречаются некоторые смысловые «перегибы» в интерпретации поэтических образов. Так весьма произвольной представляется мысль о том, что выход на крышу Дома Поэта «символически повторяет выход души из тела» (с. 121).

Д.С. Скокова прекрасно ориентируется в исследуемом материале, её изложение отличается глубиной и обстоятельностью, она тонко чувствует поэтический текст, однако порой сам стиль диссертационного сочинения становится усложнённым, нарочито «научнообразным», так что отдельные тезисы воспринимаются как плохой перевод с иностранного: «Париж является агентом объективной действительности» (с. 68). «Агентом духовного разложения» оказывается в диссертации Достоевский (с. 96). «Внимание к ландшафту как к телу Другого инициирует отказ субъекта в текстовом пространстве от собственного тела» (с. 110). «Коктебель противостоит «я»-чувству субъекта» (с. 132) и т.д. Непонятно, что означает слово «пространствоподобность» (с. 186), словосочетания «феномен друговости» (с. 66) и «вещество времени» (с. 201). Не всегда представляется органичным использование в работе с филологическим материалом понятий и терминов, заимствованных из других научных дисциплин: геометрии, физики, физиологии и т.д.

Впрочем, все эти замечания и суждения не имеют принципиального значения и не снижают общего положительного впечатления от работы.

Таким образом, диссертационное исследование Динары Сергеевны Скоковой «Творчество М. А. Волошина: геопоэтический аспект»,

представленное на соискание ученой степени кандидата филологических наук, видится теоретически и концептуально целостным, состоявшимся. Оно полностью соответствует критериям кандидатских диссертаций, изложенным в пп. 9-14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент – доктор филологических наук (10.01.01 – Русская литература), профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Пинаев Сергей Михайлович
serpinaev@mail.ru

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2 «А»; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»; тел: (495) 434-37-45, факс: (495) 433-02-29; phil@pochta.rudn.ru; <https://www.rudn.ru/>

Отзыв официального оппонента профессора С.М. Пинаева заверяю.

Учёный секретарь Учёного совета РУДН

профессор

В.М. Савчин